

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

СОВЕТСКИЕ НАЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В 1920-1950-Е ГОДЫ

МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
КИЕВ, 10-12 ОКТЯБРЯ 2013 Г.

УДК 94(47+57)(082.1)

ББК 63.3(2)

С69

Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы : Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М. : Политическая энциклопедия ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – 686 с. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-1929-3

В сборник вошли материалы международной научной конференции «Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы», состоявшейся в Киеве в октябре 2013 г. Конференция, шестая из цикла «История сталинизма», была посвящена одной из наиболее актуальных историографических и политических проблем современности. Кровопролитные войны, дезинтеграция ряда государств по национальному признаку, межнациональные конфликты и столкновения, угрожающие стабильности и целостности мира, постоянно напоминают о принципиальной важности и сложности национального вопроса. При этом политическая практика и многочисленные научные исследования исходят из того, что национальные противоречия и этнические конфликты обусловлены не только текущими условиями и событиями, но и в значительной мере историческим наследием. Это заставляет внимательнее относиться к изучению такого явления, как исторический опыт. Развитие советских наций и национальной политики в 1920–1950-х гг., несомненно, составляет важную ее часть.

В конференции приняли участие специалисты из России, Германии, Украины, США, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Литвы, Эстонии, Франции, Израиля, Беларуси, Узбекистана, Венгрии, Азербайджана.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина»*

УДК 94(47+57)(082.1)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-1929-3

© Коллектив авторов, 2014

© Политическая энциклопедия, 2014

Р. Ченайтене

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФОРМА СТАЛИНСКОГО ГОРОДА

Советский союз изначально создавался как многоэтничная федерация, противопоставляющая себя царской империи – «тюрьме народов». Но окрепший тоталитарный режим начал постепенно возвращаться к идее воссоздания империи как географически (за исключением Финляндии, до середины 1940 г. ему удалось это совершить, заняв территории до того независимых государств Балтии и Бессарабию), так и на символическом уровне. Эту тенденцию можно проследить и в выбранной властями форме эстетики публичного пространства – так называемом «сталинском ампире».

Исследователи считают, что формирование «сталинского стиля» в советской архитектуре началось с конкурсов на проект Дворца Советов в Москве¹. Экспериментальное и авангардное искусство революционных лет, уже заслужившее признание на международном уровне, примерно с 1927 г. стал вытеснять более грубый и традиционалистский реализм, который в 1932 г. приобрел контуры культурной доктрины – социалистического реализма². Новая официальная эстетика быстро просочилась во все жанры и формы художественного творчества, начиная с литературы и кинематографа и кончая урбанистикой, архитектурой и дизайном. Более того, она скоро стала проявлением своеобразного «универсального языка» советской культуры.

Один из основных тезисов соцреализма, гласящий о «единстве социалистического содержания и национальной формы» стал активно использоваться по отношению к национальным культурам народов новой империи. Однако примеры различных регионов СССР, взятые и исторически и культурно, показывают, что практическое его применение часто сталкивалось с немалыми трудностями. Если с «социа-

листическим содержанием» было как бы все понятно и художники эпохи, прежде всего, призывались воплотить целый ряд таких идеологических клише как «Октябрьская Революция», Ленин, «дух Партии», «прогрессивные идеи человечества», «отвага народа», «великая Победа» и пр., то на деле не всегда было ясно, что надо подразумевать под «национальной формой» и, особенно, каким образом идеологически правильно ее выразить.

По замыслу «национальная форма» должна была осуществлять особенности и разнообразие традиций народов СССР, но применение этого постулата в разных локальных контекстах и в конкретных ситуациях часто сталкивалось с глубинными противоречиями и парадоксами советской национальной политики. Как известно, всеобщее принятый ленинский тезис о «двух культурах» требовал любую культуру прошлого делить на негативно оцениваемую «буржуазную» и «прогрессивную», содержащую элементы демократичности и социалистической идеологии³. На практике же часто оказывалось трудно или даже невозможно их четко различить, тем более, что рамки и репертуар дозволенных элементов культуры не были стабильными и за время существования СССР не раз менялись.

Учитывая это, в данной статье сделана попытка краткого сравнительного обзора сталинской национальной политики в сфере градостроительства и архитектуры. Ставятся вопросы: каким образом идеологические постулаты доктрины соцреализма проявляли себя в контексте разных национальных культур? Каким идеологическим критериям должна была соответствовать столица союзной республики? Каким образом в ее облике должны были сочетаться признаки «советского» и «национального»? Отличалась ли в этом плане довоенная и послевоенная политика градостроительства СССР? Опираясь на визуальное исследование городского ландшафта ряда городов союзных республик, попытаемся показать, какие конкретные формы приобретала эта доктрина «на местах».

Общие черты сталинской архитектуры: от барокко к баракам

В области архитектуры тоталитарная идеология своеобразно связала научную рациональность, в ту эпоху популярные идеи прогрессивного урбанизма и утопическое видение процветающего общества

¹ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2006; Его же. Зодчий Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

² Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994.

³ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1979. Т. 24. С. 120–121.

будущего. Особенно подчеркивалась роль архитектуры как эффективного инструмента социальной инженерии: планируемые преобразования окружающей среды и публичного пространства должны были неизбежно привести и к желаемым изменениям человеческого сознания, привычек, поведения и действий.

Парадокс, что хотя И. Сталин вскоре отвергнет модернизм и конструктивизм, утвердившееся в архитектуре послереволюционного периода, глубинная идея и сама риторика, на которую будут опираться обоснования реконструкции и строительства городов, в основном останутся прогрессистскими⁴. Тоталитарная архитектура не только должна будет помочь с реализацией программы создания «нового человека», но и визуально воплотить утвердившийся социополитический порядок⁵.

В середине четвертого десятилетия, после архитектурных конкурсов проектировки Дворца Советов в Москве и соответствующих решений партии, резко проявился сдвиг от «пролетарского авангарда» к «освоению классического наследия». Но само понятие «наследия» и необходимость на него опираться советскими идеологами культуры интерпретировалось своеобразно и селективно. Одни исторические стили, например, классицизм или Ренессанс, объявлялись подходящими и почитаемыми, другие же – особенно готика и барокко, ассоциируемые с нежелательным наследством католицизма, или восточные стили, оцениваемые как пережиток средневековья и признак отсталости, – отвергались как враждебные и непригодные. Но даже «легитимные» формы и стилистические приемы искусства прошлого оценивались лишь как материал для «новых творческих исканий». Установка на освоение и использование исторических элементов в новом строительстве в основном опиралась на импровизацию на основе этих стилей, а не их копирование и не всегда требовала их предварительного тщательного познания (в некоторых случаях это воспринималось не только нежелательным, но и даже опасным).

Соцреализм, еще называемый историзмом, ретроспективизмом, неоклассицизмом и т. д., художественные формы выражения чаще всего черпал из архитектуры античной Греции и имперского Рима⁶, эстетику которых активно использовали и другие тоталитарные диктаторы того времени – Б. Муссолини в Италии и А. Гитлер

⁴ Иванов С. Г. Архитектура в культуротворчестве тоталитаризма. Философско-эстетический анализ. Киев: Стило, 2001.

⁵ Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

⁶ Иконников А. В. Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997.

в Германии и пр. Советские искусствоведы даже пытались доказать локальный характер этого стиля и отследить прямую линию преемственности его от древней Греции, через Рим и Восток до России⁷. Поиск синтеза классики и национального искусства, кстати, был свойствен и другим странам межвоенной Европы.

Скорым временем в советском градостроительстве утвердились масштабные монументальные формы, своими пышными фасадами обязанные транслировать весть об успешном создании нового типа общества. Идеалом сталинских урбанистов стала система широких бульваров и проспектов, обрамленная импозантными монументальными строениями – дворцами пролетариата, ведущими к центральному зданию правительства или компартии. В действительности показной парадностью и фасадизмом маскировалась колоссальная нехватка жилья, поскольку в условиях форсированной индустриализации финансовые потоки, прежде всего, шли на строительство промышленных предприятий или монументальной сталинской архитектуры, а рабочие, несмотря на все планы КПСС о быстром строительстве «светлых социалистических городов», были вынуждены годами проживать в бараках⁸.

Монументальность, высота и декоративность строений соцреализма зависела не только от их предназначения (часто – общественные здания в ущерб жилым), но и от статуса конкретного города на иерархической лестнице тоталитарной социополитической системы. Первым был сам центр советской утопии Москва, окрашенная семью сталинскими «высотками»⁹, вторым – поменявший название Санкт-Петербург, третьим – Харьков, в 1920–1934 гг. бывший столицей УССР, далее выстраивались другие крупнейшие урбанистические центры России и союзных республик. Как известно, в столице советского государства должно было быть построено и самое высокое тогда здание мира – достигающий 410 м высоты Дворец Советов на месте взорванного в 1931 г. Храма Христа Спасителя – главной православной церкви имперской России¹⁰. Эта хорошо известная история показывает, что при трансформации городов по замыслу ста-

⁷ Голомшток И. Тоталитарное искусство. С. 85.

⁸ См. подробнее: Шлегель К. Террор и мечта. М., 1937. М.: РОССПЭН, 2011.

⁹ Васькин А. А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям. М.: Спутник, 2009.

¹⁰ Но этот величественный замысел так и остался нереализованным. Во время правления Н. Хрущева фундамент Дворца был использован для постройки открытого плавательного бассейна, а после распада СССР, при массовой поддержке общественности, Храм был восстановлен.

линских архитекторов их исторические кварталы и наиболее ценные памятники уничтожались без особых сомнений.

Какие глубинные намерения крылись за этими гигантскими планами преобразования городов? Внедряемые идеологическая доктрина и политический стиль имели целью мобилизацию и подчинение государственному аппарату социума, средствами вездущей пропаганды постепенно превращаемого в аполитичную массу. Стремление ориентировать общество на достижение утопических целей создания коммунизма требовало сотворения и распространения всем понятных и впечатляющих мифов и символов, литургии и культа, при помощи которых народ не только должен был пережить сильные сплывающие эмоции, но и приобрести новую советскую идентичность¹¹. Таким образом, публичное действие стало сильно театрализованным, а неоклассическая архитектура была предназначена служить как гигантские декорации на сцене развертывающейся политической драмы¹². Плотное взаимодействие с идеологией и пропагандой и эффективно служа ей архитектура того времени стала ареной тотального сплочения советских граждан, во время частых массовых празднеств, шествий, митингов и демонстраций, превращаемых в послушную власти толпу. Этим можно объяснить и ее фасадный характер, поскольку декорации воспроизводят эффект, будучи видны спереди и не обязаны быть величественными и красивыми со всех сторон или изнутри. Надо упомянуть и такую важную деталь, что на стройку колоссальных величественных эталонов советской архитектуры и инженерии (Московское метро, Беломорско-Балтийский канал и пр.) или на изготовление стройматериалов для нее часто использовались и узники ГУЛАГа, а после войны – и немецкие военнопленные¹³.

Хотя эти гигантские проекты градостроительства были задуманы и начаты еще в межвоенное время и для их осуществления понадобилось снести некоторые исторические кварталы или отдельные ансамбли и памятники, такая практика по понятным причинам не могла быть полностью развернута. Поэтому именно огромные разрушения

¹¹ См. подробнее: Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge University Press, 2011.

¹² Abensour M. De la composité. Architectures et régimes totalitaires. Paris: Sens and Tonka, 1997.

¹³ Кларк К. Имперское возвышенное в советской культуре второй половины 1930-х годов // НЛО. 2009. № 95.

урбанистического массива во время военных действий позволили ей возобновиться с новой силой после войны¹⁴.

Архитектура как средство коренизации?

Эталоном и объектом для подражания всех урбанистических преобразований городов СССР стал проект реконструкции Москвы, принятый в 1935 г. Но исследования показывают, что, несмотря на распространенные повсеместно на территории СССР общие и легко узнаваемые черты «сталинского ампира», в городском ландшафте столиц и других крупнейших городов союзных республик официальный стиль неоклассицизма приобретал и кое-какие местные черты. Надо заметить, что стилистика неоклассицизма чаще использовалась для правительственных и общественных зданий, а больше элементов «национальной формы», как правило, можно отследить в учреждениях культуры и жилых строениях.

На приспособление городов национальных окраин к сталинской эстетике часто присылались специалисты из «Центра», мало или вообще незнакомые со спецификой местных архитектурных и градостроительных традиций. Например, в архитектурном истеблишменте послевоенного Вильнюса¹⁵ на десятилетие утвердилась группа присланных из Ленинграда советских архитекторов. По примерам сталинской архитектуры, сохранившейся в городе по сей день можно судить, что задание отражения «национальной специфики» ими было воспринято чисто формально, что вызвало критику местных архитекторов, упрекавших ленинградцев в стереотипном использовании в декоре зданий атрибута «литовскости» – тюльпанчика¹⁶. Хотя тенденция «импорта российских специалистов» была общераспространенной, можно упомянуть и некоторые исключения. Например, при послевоенной реконструкции Кишинева там работал представитель высшей элиты советской архитектуры, автор проекта ленинского мавзолея А. В. Шусев, родившийся в Кишиневе, а генеральный план

¹⁴ См. подробнее: Хан-Магомедов С. О. «Сталинский ампира»: проблемы, течения, мастера. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М.: Ком-Книга, 2010. С. 10–24.

¹⁵ О довоенной и послевоенной специфике Вильнюса, который с 1920–1939 г. входил в состав Польши, и Литовской республике, отчаянно пытавшейся вернуть город – бывшую столицу Великого Княжества Литовского – и вынужденной временно перенести столицу в Каунас, подробнее см.: Snyder T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. Yale University Press, 2003.

¹⁶ Доклад арх. С. Абрамаускаса «Национальные черты в архитектуре г. Вильнюса» от 1951.12.30 // АЛИЛ (Архив литературы и искусства Литвы). Ф. 87. Оп. 1. Д. 33.

Еревана был в 1924 г. создан вернувшимся из Москвы знаменитым армянским архитектором А. О. Туманяном.

Надо подчеркнуть, что выбранные под новые административные центры города находились в неоднозначном положении. Некоторые из них уже были историческими столицами (Киев, Казань, столицы республик Закавказья и Балтии), другие же выбирались и преобразовывались именно как заново создаваемые символические центры титульной нации конкретной республики, например, Кишинев. Особенно это коснулось среднеазиатских республик, созданных после реорганизации. Процесс, как известно, не всегда проходил гладко и плавно, в некоторых случаях даже пришлось переносить столицу в другой город – из Харькова в Киев, из Самарканда в Ташкент, из Чарджуу в Ашхабад и т. д.

Что касается средств и мер советизации урбанистического ландшафта национальных регионов до войны, надо обратить внимание на исторический контекст, что позволяет объяснить вариативность осуществленных городских преобразований. Облик городов был советизирован в разной степени интенсивности. В Тбилиси, сохранившем свою историческую часть, появилось лишь несколько исключительных эталонов сталинской архитектуры – Здание Академии наук, Дворец Верховного совета ГССР и пр., – тем временем как древний город Ереван был реконструирован радикально и целиком.

Города, которые в предвоенное время создавались на основе колониального урбанистического наследия Российской империи – так называемые *города-двойники* Средней Азии, – как правило, были разделены на восточную и европейскую части (Ташкент, Фергана, Андижан) или имели лишь европейскую составную¹⁷, как, например, Алма-Ата (бывший форт Верный), Асгабад (в 1919–1927 г. – Полторацк, с 1927 г. – Ашхабад) и т. д.¹⁸ Избегая того, что классическая европейская архитектура могла и далее ассоциироваться с продолжением колониализма, советские архитекторы в проектировании активно прибегали к использованию исторически сложившихся местных архитектурных традиций. Среди примеров успешного приспособления национального архитектурного наследия к идеологическим постулатам времени можно упомянуть кинотеатр «Родина» в Ташкенте (арх.

А. Сидоров, 1938 г.), стадион «Динамо» в Тбилиси (арх. А. Курдиани, 1934–38 г.), Дворец Правительства в Ереване (арх. А. Туманян с коллегами, 1926–1941 г.) и т. п.

К другой группе можно причислить столицы союзных республик, облик которых был более или менее советизирован уже после Второй мировой войны в результате «ликвидации последствий массовых разрушений». Это конечно касается крупнейших урбанистических центров на западной части СССР. Степень изменений городского ландшафта тут была тоже разной. От радикальной трансформации (Минск), до тотальной реконструкции только центральных проспектов, как в случае Киевского Крещатика или проспекта Ленина в Кишиневе (ныне бульвар Штефана чел Маре), площадей (например, площадь Ленина, ныне Лукишкю, в Вильнюсе – основной символический центр нового строя – была создана за пределами старого города, что позволило сберечь его от радикальных перестроек) и появления лишь отдельно взятых объектов – правительственных или общественных учреждений¹⁹ («сталинский небоскреб» в Риге – здание Академии наук, 1952–1958) и т. д.

Еще можно упомянуть группу городов, ландшафт которых был радикально советизирован *повторно* вследствие разрушений войны либо природных катаклизмов (Минск, Ашхабад после землетрясения 1948 г., Ташкент после землетрясения 1966 г.).

В контексте советизации городского облика столиц союзных республик особо выделяются Минск и Ереван, представляющие радикально противоположные пути развития сталинской урбанистики и архитектуры в «национальных окраинах» и достойны более глубокого анализа как исключительные примеры «чисто советской» и «чисто национальной» эволюции социалистического города.

Во время войны сильно пострадавший Минск воссоздавался уже как «декорация идеального города прекрасных, но плоских дворцов, город одной очень длинной улицы, которая вела на восток к реальному алтарю. Алтарем виделась, конечно же, Москва. Москва была центром утопии, и именно там должен был возникнуть идеальный город, а Минск строился только как триумфальная арка, как врата к этому Городу»²⁰. В истории Минска переломным периодом можно

¹⁷ Видимо, современным примером города-двойника «наоборот» можно считать создание новой казахской столицы Астаны рядом с бывшим советским городом Целиноградом в 1997 г.

¹⁸ Косенкова Ю. Л. Среднеазиатский город глазами архитекторов сталинской эпохи. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010. С. 201.

¹⁹ Богданов Л. С. Рига, Таллин, Вильнюс. Реконструкция исторически-сложившегося ансамбля центра города. 1950. АЛИЛ. Ф. 204. Оп. 1. Д. 58.

²⁰ Клинов А. «Минск – место утопии...». URL: <http://vzglyad.ru/culture/2007/5/27/84600.html>. Также см.: Клинау А. Горад СОНца. Визуальная паэма пра Мінск. Фотоальбом. 2009; Клинау А. Малая падарожная книжка па Горадзе СОНца. Минск: Логвінаў, 2008.

считать 1953–1959 гг., когда внедрялась программа тотального стирания бывшего урбанистического пространства²¹. После этого в Минске остались лишь незначительные фрагменты и отдельные здания старого города, диссонирующие с новой тканью гомогенного идеологического текста, лишённого каких-нибудь более ярких признаков «национального»²². Но в действительности мечта об идеальном советском городе так и осталась миражом – иллюзорность его величия не трудно обнаружить, зайдя во внутренние дворы прекрасных дворцов, предназначенных для простого народа, – контраст пышных парадных фасадов и убогости неоштукатуренных стен сразу бросается в глаза. Преобладание такой пустотелой иллюзорной архитектуры в Минске британский исследователь визуальной культуры Бенджамин Коуп полшутя даже назвал «призрачным классицизмом»²³.

Наоборот, с 1924 г. по проекту А. О. Туманяна, разработавшего особый национальный стиль с использованием элементов древней церковной архитектуры, местного туфа и базальта и традиционной резьбы по камню, проводимая масштабная реконструкция Еревана позволила создать обособленный образ города. По замыслу архитектора Ереван должен был стать подножием и дорогой к горе Арарат – святыне всех армян, и, несмотря на более позднюю корректировку первичного проекта, в основном эту идею удалось реализовать²⁴.

Хотя ереванский пример показывает, что талантливым архитекторам в конструкциях и формах новых зданий действительно удавалось творчески и органически использовать исторически сложившиеся местные архитектурные, инженерные и эргономические решения, это часто балансировало на грани дозволяемого и иногда приводило к довольно парадоксальным смысловым дисонансам. Поэтому, чтобы избежать идеологических противоречий и нежелательных аллюзий с сакральной, «бейской» или «буржуазной» архитектурой, советские архитекторы нашли менее опасный источник для осуществления требований об отражении «национальной формы». Им стала при декоре

зданий часто используемая народная орнаментика. Хотя доминировала общесоветская символика – серп и молот, звезды, знаки орден, шиты, мечи, шлемы, знамена, гербы и пр.²⁵ – декор экстерьеров и интерьеров официальных зданий с течением времени стал более разнообразным, интегрировавшим и элементы традиционного искусства народов СССР²⁶.

Эта тенденция особенно хорошо видна в оформлении республиканских павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки – ВСХВ (открыта в 1939 г., реконструирована в 1954 г.) в Москве²⁷. Но визуальный анализ декора зданий сталинской эпохи Вильнюса, Киева, Кишинёва, Минска, Тбилиси, Еревана и Ашхабада автору этих строк позволил заметить феномен распространённости особенных повторяющихся народных геометрических растительных орнаментов, что помогло выдвинуть гипотезу о маркировании этих столиц союзных республик своеобразными стилистическими шаблонами-метонимиями. Мотивами *тюльпана*, *ромашки*, *руты* (Литва), *василька*, *древа жизни* (Беларусь), *виноградной лозы* (Молдавия, Украина, Армения), *подсолнуха* (Украина), *хлопка* (народы Средней Азии) и т. п., советские архитекторы символически отделяли и обозначали различные социокультурные пространства.

Выводы

Поиски и часто шаблонное использование «национальной формы» в архитектуре сталинского города были вызваны не искренней заботой о сохранении и глубинном познании традиционной культуры и искусства народов СССР, а как раз полностью соответствовали идеологически-политическим целям создания единого семиотического и символического пространства. Легко узнаваемый, гомогенный, впечатляющий, полностью подвластный идеологии и пропаганде стиль архитектуры «на местах» должен был укреплять мысль о силе и эффективности советского строя. Удачное переплетение двух идеологических целей – советизации как средства создания «нового советского человека» и коренизации, понимаемой как приспособление «прогрессивных традиций» народностей СССР к нуждам режима, позволило создать двойную – советско-национальную идентич-

²¹ Кірычэнка В. Мінск. Гістарычны партрэт горада, 1953–1959. Мінск: Беларусь, 2006.

²² Белорусский культуролог Юлия Чернявская исследовала вопрос, по каким причинам советизация белорусского общества проходила наиболее гладко по сравнению с другими народами СССР. См. Чернявская Ю. Самая советская из всех советских... // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78); Чернявская Ю. Белорусы: от «тутэйшых» к нации. Минск: ФУА-информ, 2010.

²³ Коуп Б. Призраки Маркса бродят по Минску по следу Деррида. Белорусский формат: невидимая реальность. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 498–521.

²⁴ Бальян К. В. Советская архитектура Армении: две концепции развития. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010. С. 226–236.

²⁵ Алексеев С. Архитектурный орнамент. М.: Гос. Изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1954.

²⁶ Яралов Ю. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М.: Стройиздат, 1971.

²⁷ Ступин В. Об архитектуре Всесоюзной сельскохозяйственной выставки // Архитектура СССР. 1954. № 9. С. 1–16.

ность. Сталинская градостроительная и архитектурная политика способствовала этим процессам благодаря удачному визуальному осуществлению синтеза синхронизации²⁸ общесоветского идеологического нарратива со стратегией вышеупомянутой локализации, понимаемой как чисто инструментальное использование местных «этнографических» особенностей, символов и знаков, по существу деполитизированных и лишенных любой возможности их эффективного применения для национальных целей вне советского строя.

²⁸ Милерюс Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах. Р. S. ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 37–62.